

Разговор с жизнью

Меня обрадовало стремление Чикутаева избежать пустой риторики, позы, общих мест. Он говорит с жизнью, как с матерью. Это ему не всегда, но во многом удастся, что не так-то легко. В лучших стихах поэт говорит языком своей земли. В них я услышал голос абазинского народа и стал причастным к его судьбе — к его испытаниям и радостям, к его опыту, мудрости, труду, доброте, стойкости, надеждам. Такую возможность дал мне поэт Микаэль Чикатуев.

А в этом главная сила всякого художника. Это его почва и корни, антеева победоносность.

Русский поэт Владимир Гнеушев сделал благородное дело. Он перевел большую книгу абазинского собрата. Его переводы показались мне убедительными и достоверными. Они выполнены с любовью и вдохновением. Думаю, что читатель будет благодарен обоим поэтам.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ

ВРЕМЯ

Часы работают и ночью
У всех неспящих на примете.
Вот вижу я:
бегут воочию
час первый,
 час второй
 и третий.
О, есть ли что еще быстрее,
чем время — гордый иноходец?
Оно скользит над мачтой,
 рея,
оно ползет в пещере,
 горбясь.
И с колесом его ровняли,
и с тихой осенью,
и с птицей.
Оно
меж пальцев наших вялых,
как золотой песок
струится.
Теперь поэты, соревнуясь,
его цепляют и к ракете.
А стрелки в спешке не согнулись —
вот первый час,
 второй
 и третий.
Часы все так же будут длиться,
не суетясь,
не утешая...
Подвинься, время-продащица,
за нами — очередь большая...

УЖ ЗАПОЛНОЧЬ...

Уж полночь.

Темно.
И только где-то,
сквозь тьму я вижу дальний
огонек.

Он, сотканный из дум,
горит знакомым светом,
и я на зов его
шагнул через порог.
И сразу солнце
поле осветило,
где копны красовались на траве.
Где жарко было.
Предгрозово было.
Где жаворонок плавал в синеве.
И я увидел дождь,
пришедший ливнем,
который по густым валкам бежал.
Шалаш стоял,
тем ливнем ошастливлен,
а в шалаше
косарь спокойно спал.
Потом я помню,
как густые капли
все реже шелестели вразнобой.
И гребни гор
 висели,
 словно грабли
над скошенной,
привядшею травой.
И снова огонек вдали мерцает
под черным основанием скалы.
Его зажгла любимая,
 я знаю.

Мечты ее,
как вечный снег,
белы.
Пускай же осень опадет листвою,
метелью затуманится зима,
тот огонек
не гаснет надо мною,

как солнце,
и как Родина сама.
ТО, ЧТО СО МНОЙ

Дождь мягкую дорогу укрепляет,
а твердую —

смягчает тот же дождь.

Душе моей ничто не помогает,
ничем ее к заботам не вернешь.
Туманы прогоняет свежий ветер,
он словно бы проглатывает их.
Ни ветер
и ничто на белом свете
не уничтожит горьких дум моих.
Заря проводит шорохи ночные.
Восток проглотит
тени на листве.
Но не могу прогнать ночные сны я

—
осталось
мое сердце
в темноте.
И только утро —
мать иного мира,
иных надежд, чем в памяти ночной,
мне возвратит
промчавшееся мимо
и навсегда останется со мной.

СПОР

—
Когда, бывает, спор начнут друзья
закончится и мирно он, и вскоре.
Ведь то, чего нигде понять нельзя,
поймешь в необозленном разговоре.

Когда заспорят сплетники порой —
такого ты наслушаешься вздора,
что после лишь покрутишь головой:
ни от людей нет пользы, ни от
спора.

—
Когда ж враги сойдутся невзначай
полезет в драку даже и наперсток.
Тут слов и жестов будет через край,
а истины на грошик не найдется.

ПИСЬМА МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Желтые листья осени,
хоть медленно,
все же падают.
И небо, что видит это,
печальные слезы льет.
И я, словно эти слезы,
печально и бесконечно
брожу по аллеям парка
и думаю все о ней.
Покажется мелким это
тому, кто устал от жизни,
но письма моей любимой
волнующи для меня.
А листья укрыли землю
И желтым,
печальным цветом,
усыпали все тропинки —
осиротело все.
О небо, не плачь,
не надо,
и не встречайте, листья,
печалью меня своей.
Я знаю, что не забыла
любимая в дальней дали,
в осенних,
цветных ущельях,
о любящем — обо мне.
Ведь так я о ней тоскую,
так яростно помнит сердце
глаза ее,
руки,
губы,
так все мои дни и ночи,
мечтанья мои и сны
надеждой полны на встречу,
что позабыть не сможет
она о любви,
бредущей
под моросящим небом,
по тихим желтым тропинкам,
похожим на строчки писем.

Перевод

Владимира

Гнеушева.

